

того времени, даже тогда, когда измена двора и монархистов делали уже республику неизбежной. И действительно, тогда как в 1789 г. революционеры действовали так, как будто бы хотели совершенно обойтись без королевской власти, немного позднее среди самих же революционеров стало обозначаться монархическое движение, все ярче и сильнее, по мере того как упрочивалась конституционная власть Собрания¹. Можно даже сказать, что после 5 и 6 октября 1789 г. и после бегства короля в июне 1791 буржуазия и ее духовные вожди все более и более проникались монархическими чувствами всякий раз, когда народ выступал как революционная сила.

Это - факт очень важный. При этом не нужно забывать, что самым существенным для буржуазии и ее представителей было, как тогда выражались, *сохранение имуществ*. Вопрос о *сохранении приобретенной собственности* проходит красной нитью через всю революцию, вплоть до падения жирондистов². Можно даже с уверенностью сказать, что если республика так пугала буржуазию и даже самых ярких якобинцев (кордельеры, напротив, охотно принимали ее), то именно потому, что народ связывал с понятием о республике *понятие о равенстве*; а это последнее выражалось в идеале *равенства состояний и аграрного закона*, составлявших боевой клич «уравнителей», коммунистов, экспроприаторов - «анархистов» того времени.

И буржуазия поспешила положить предел революции именно для того, чтобы помешать народу нарушить «священный принцип» собственности. Еще в октябре 1789 г. Собрание приняло известный закон о военном положении, позволявший расстреливать восставших крестьян, как только на улицу выступал мэр или другой городской чиновник с красным флагом; а позднее, в июле 1791 г., оно воспользовалось этим законом, чтобы избивать парижский народ. Точно так же старалось оно помешать прибытию провинциалов - людей из народа - в Париж, на праздник Федерации 14 июля 1790 г. Оно приняло затем ряд мер против местных революционных обществ, составлявших всю силу народной революции, рискуя убить этим то самое, что было зародышем его собственной власти.

С самого начала революции по всей Франции возникли тысячи политических союзов. Тут были не только первичные собрания, или собрания выборщиков, о которых мы говорили выше (гл. XXIV) и не только многочисленные клубы якобинцев, связанные с главным их обществом в Париже. Тут были главным образом секции, народные общества (*Societes populaires*) и братские общества (*Societes fraternelles*), возникавшие самостоятельно и часто без всяких формальностей. Это были тысячи местных комитетов и местных властей, почти независимых, становившихся на место королевской власти и помогавших распространять в народе мысль об уравнивающей социальной революции.

Вот эти-то тысячи местных центров буржуазия ревностно старалась раздавить, парализовать или по крайней мере расстроить, и это настолько удалось ей, что в городах и местечках значительно большей половины Франции монархическая, клерикальная и дворянская реакция стала брать верх.

Скоро начались судебные преследования, и в январе 1790 г. Неккер добился приказа об аресте Марата, решительно ставшего на сторону народа, бедноты. Из опасения народного бунта для ареста этого трибуна была вызвана пехота и кавалерия; его типографский станок был сломан, а самому ему пришлось в самый разгар революции бежать в Англию. Вернувшись четыре месяца спустя, он вынужден был все время скрываться, а в декабре 1791 г. он должен был еще раз переехать на ту сторону Ла-Манша.

Одним словом, защитники собственности так усердно постарались сломить порыв народного движения, что остановили и самую революцию. Но по мере того как создавалась власть буржуазии, возрождалась и власть *короля*.

«Истинная революция, враг распушенности, упрочивается с каждым днем», - писал монархист Малле дю Пан в июне 1790 г. И действительно, три месяца спустя контрреволюция уже почувствовала себя настолько сильной, что усеяла трупами улицы города Нанси.

¹ Интересное указание на такое настроение мы находим, между прочим, в письмах M-me Jullien. «Итак, я выздоровела, — пишет она, — от своей римской лихорадки, которая, впрочем, никогда не доводила меня до республиканства, потому что я боялась гражданской войны. Я остаюсь вместе со всевозможными животными в священном ковчеге конституции... Быть в Париже спартанкой или римлянкой — значит быть немножко гуронкой» (намек на дикаря Гурона в романе Вольтера). В другом письме она просит своего сына: «Расскажи мне, не превратились ли якобинцы в фейянов» (Фейянский клуб был клубом монархистов). См.: *Journal d'une bourgeoise pendant la Revolution*. Publ. par Ed. Lockroy. Paris, 1881, p. 31, 32, 35).

² Один Марат осмелился поставить на своей газете следующий эпиграф: «*Ut redeat miseris abeat fortuna superbis*» (Богатство да оставит богатых и перейдет к бедным). Недаром его так ненавидели буржуазные революционеры.